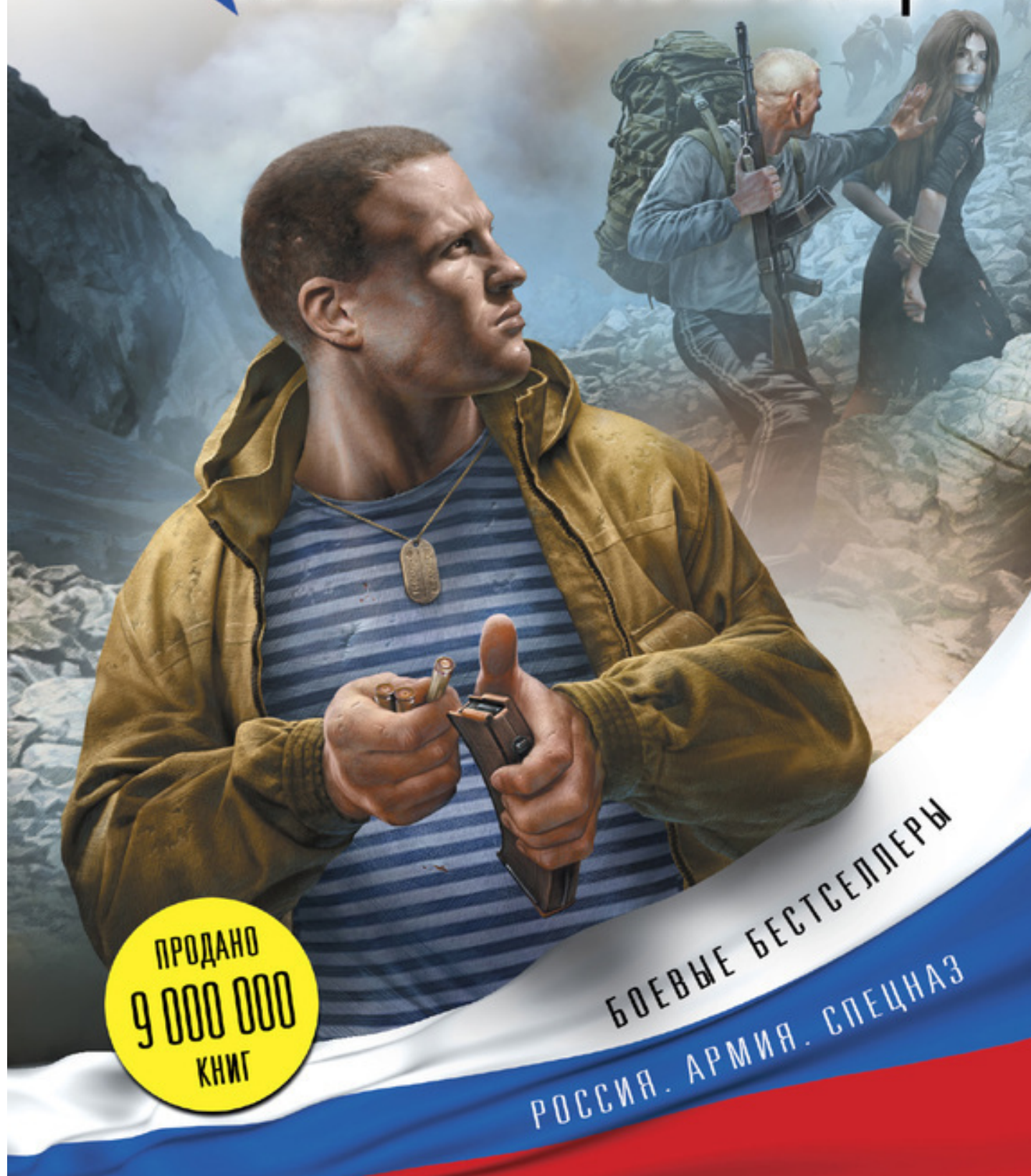

АЛЕКСАНДР

ТАМОНИКОВ

КРЫМСКАЯ ПЛЕННИЦА

ПРОДАНО
9 000 000
КНИГ

БОЕВЫЕ БЕСТСЕЛЛЕРЫ

РОССИЯ. АРМИЯ. СПЕЦНАЗ

Боевые бестселлеры А. Тамоникова

Александр Тамоников

Крымская пленница

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Крымская пленница / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2017 — (Боевые бестселлеры А. Тамоникова)

ISBN 978-5-699-93838-4

Для осуществления терактов на территорию российского Крыма проникла группа диверсантов. В прибрежных скалах они устроили схрон с оружием и взрывчаткой. Свидетелем приготовлений террористов случайно стал бывший капитан морской пехоты Глеб Туманов, отдыхающий в это время на побережье. Ему удалось обнаружить тайник бандитов и сообщить о готовящемся нападении спецслужбам. Но на подготовку контртеррористической операции требуется время, которого уже нет. Понимая это, капитан Туманов в одиночку вступает в схватку с целым отрядом профессиональных убийц.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93838-4

© Тамоников А. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Тамоников

Крымская пленница

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.
Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.*
А. Тамоников

© Тамоников А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава первая

Глухая ночь накрыла крымскую степь. Словно темный бархат, расшитый золотистым бисером, набросили на землю. Ночь на понедельник – 13 июня 2016 года – выдалась беспокойной. Дул суховей. Он прибывал к земле густой ковыль, теребил кустарник, разбросанный по равнине, гнал сухие ветки и иссохшую траву по каменистым проплешинам. Но при этом небо было ясным, ни одного облачка. Таинственно переливалась выпуклая луна, правда, и ей не удавалось пробить темноту. Из мрака мутно проявлялись небольшие балки, заросшие полынью, редкие очажки кустарников. Это было сердце степного Крыма – шестьдесят километров к востоку от Симферополя. Единственный населенный пункт – деревня Головановка – располагался на севере, за небольшой возвышенностью, венчаемой линией высоковольтных передач – составной частью энергетического моста, протянутого на полуостров через Керченский пролив. Из темноты прорисовывались массивные опоры, возвышающиеся над местностью.

К югу от гряды тянулась проселочная дорога. Она связывала немногочисленные поселения района, петляла по степи между невысокими холмами, проваливалась в лощины.

Свет фар возник внезапно – машина вышла из низины, заросшей житняком и полынью. Глухо работал двигатель, массивные колеса легко проходили колдобины. Колыхнулась шапка травы у обочины – это шмыгнул в ямку бдительный суслик. Машина шла с запада. В обводах транспортного средства угадывались очертания неплохого «проходимца» «УАЗ Патриот». Ехал он неторопливо – словно водитель что-то высматривал. Дорога по касательной приближалась к возвышенности, над ней парили опоры ЛЭП, похожие на шестируких марсиан, выстроившихся в боевой порядок. По мере приближения возвышенность сглаживалась. Это было что-то вроде степного плато – с одной стороны местность приподнималась, с другой – тянулась однообразная равнина на многие версты. Опоры энергомоста вгрызались в каменистый грунт – метрах в семидесяти от края плато. Дорога входила в поворот и огибала каменистый участок. В центре горки валунов возвышалась двухметровая известняковая глыба сложной «сказочной» конфигурации, вполне способная сойти за местную достопримечательность. Она выбивалась из ландшафта и являлась идеальным ориентиром. Водитель сбросил скорость, машина сползла в кювет и направилась к скалистому участку. Какое-то время переваливалась через камни, объезжала обломки осадочных пород, потом заехала за скалу и теперь с дороги не просматривалась. Из салона выскользнули трое – ничем не приметные, в ветровках. Они начали вытаскивать из багажника тяжелые рюкзаки, затем взвалили их на спины, приглушенно выражаясь непечатными словами – ноша была слишком тяжелой и неудобной.

– Петро, ну шо ты канителишься? – шипел небритый субъект с одутловатым лицом. – Надел, пошел – че не так? Вечно тормозишь, бешишь, как Россия, блин...

– Подзатыльник? – предложил третий – атлетически сложенный, сравнительно молодой.

– Щас получит... – процедил небритый, помогая товарищу забросить лямку через плечо. Тот был щуплый, невзрачный, но словарный запас имел богатый – выражался, как боцман на пиратской бригадине. – Ну все, хлопцы, пошли, за мной, в колонну по одному... – припустил одутловатый субъект в обход скалы.

Три фигуры, согнувшиеся в три погибели, заскользили к дороге. Груз тянул к земле. Старший оказался самым выносливым – первым вышел к проезжей части и поджидал сообщников.

– Шо вы тащитесь, как за гробом, хлопцы? – брюзжал он. – На ручки вас взять? Петро, Леха, а ну, шире шаг... – И вдруг, резко повернувшись к дороге, ахнул: – Атас, хлопцы, лягай!

Все трое повалились, как шли – носом в землю. Рюкзаки придавили тяжестью, торчали бугорками среди косматой травы. Как вовремя старший заметил машину! Она придвигалась с востока – вышла из-за возвышенности и быстро приближалась. Дальний свет фар озарял

степь. Петро со страха начал отползать, двое шикали на него, чтобы лежал и не дергался. Люди застыли, в оцепенении глядя на приближавшуюся машину. В ее очертаниях читалось что-то крупное, «внедорожное», утробно урчал мощный двигатель. Такие вездеходы редко находятся в личной собственности граждан, машина наверняка принадлежала какому-то ведомству – военному или полицейскому. Сидящие в салоне – а там определенно находились несколько человек – не заметили лежащих у дороги людей и «УАЗ», спрятанный за скалой. Кузов внедорожника был исписан камуфляжными разводами. Он проехал мимо, погрузился в низину, из которой выплыл через полминуты, превратившись в пятно с красными габаритными огнями, таявшими в ночной дымке. Люди поднялись.

– Суки, ненавижу... – процедил одутловатый субъект. – Был бы гранатомет, спалил бы, к ядрене фене... Разъездились, падлы, по чужой земле...

– Военные, что ли? – хрипло спросил Петро, безуспешно воюя с надоевшей лямкой.

– Менты, – презрительно фыркнул спортивно сложенный Леха. – Зуб даю, менты. Патрируют ЛЭП, снуют вокруг нее, чтобы не утащили... В мышиный цвет тачку разукрасили – точно говорю, менты...

– Леха знает, сам мент, – хмыкнул старший, обозревая поднявшееся с земли «войско». – Ну шо, патриоты, готовы к работе?

– Хреновая у нас работа... – отдуваясь, огрызнулся Петро. Тяжесть рюкзака тащила к земле, приходилось сгибаться вопросительным знаком.

– А хорошая работа – это разве работа? – хохотнул Леха и хлопнул его по плечу. – Пошли, любимец публики, хрень осталась...

Они проехали от Симферополя шестьдесят верст, и никто их не остановил. С документами все в порядке – местные жители, граждане России – автоматически стали таковыми два года назад, когда агрессивный варварский сосед подмял под себя жемчужину под названием Крым. Но если бы проверке подвергся багаж, который, как ни крути, надо было вывозить из съемного гаража на улице Цветочной, – мало бы никому не показалось. У Алексея Парудия имелись служебные документы – он действительно являлся сотрудником симферопольского Управления внутренних дел, но никакой гарантии от этих бумажек...

Трое перебежали дорогу и устремились к краю плато, за которым возвышалась линия электропередачи. Ноги вязли в канавах, приходилось идти крайне осторожно. Срывалось дыхание, от тяжести немели плечи. Каждый тащил на себе не меньше двадцати килограммов груза. По счастью, подниматься к линии в их планы не входило. Задача перед «местными патриотами» ставилась конкретная – сделать закладку, и ничего другого. Поместить груз в надежное место, чтобы никто не смог найти, определить четкие ориентиры, доложить. В нужный момент придут специалисты, знающие, что делать с грузом, проведут работу. С первым ориентиром у дороги все было в порядке – скала торчала, как волдырь. Второй тоже нашелся – раздвоенная каменная глыба на склоне. Старший махнул рукой, стащил рюкзак. Подтянулись остальные, избавились от ноши, испуская облегченные стоны, и с любопытством воззрились на трещину в каменистом обрыве – достаточно широкая для закладки.

– Прячем, хлопцы, – пробормотал старший, включая фонарь. – Место подходящее, чужие здесь не ходят, только свои, гы-гы...

Несколько минут они возились, всовывая рюкзаки в трещину. Груз был опасный, требовал бережного отношения. Опускали за лямки, стараясь избегать трения о камни. Вроде не должно долбануть, уверяли, что штука надежная, сама не взрывается (тем более без запахов и сигнала «свыше»), но от греха, как говорится, подальше. Участники операции собирались прожить долгую и насыщенную жизнь, посвященную борьбе с оккупантами. Гадить всеми силами, до последней капли крови! ЛЭП – это семечки, скоро начнут поезда под откос пускать, самолеты сбивать! Пять минут ушло на заполнение трещины опасным веществом, после чего рыскали по округе, рвали траву и затыкали щель, чтобы выглядело естественно. Затем усе-

лись передохнуть, утирая промокшие лбы. Закурили, стали озиаться. В округе стояла мертвая тишина. Даже ветер сделал паузу. Дорога, проходящая в стороне, была пустынна в оба конца.

– Шо, Петро, уморился? – ухмыльнулся Алексей. Тот до сих пор не мог восстановить дыхание. – Не достало еще жить в интересное и непростое время?

– Так жить нельзя, да? – подмигнул подобревший старший – Савеленко Аркадий Васильевич, ранее служивший в украинской «Альфе», вышедший на пенсию по выслуге лет и числящийся сторожем в одной из управляющих компаний Симферополя. – Но ведь живем, значит, можно?

– Все в порядке, Васильич, – отдуваясь, проговорил Петро Прохоров – студент Крымского гуманитарного университета, член тайной студенческой группировки «Таврия» (пока ничем не знаменитой, кроме фанатизма ее немногочисленных членов). – Я еще подкачаюсь, не волнуйся... – и надрывно закашлялся.

– Герой, – глумливо заулыбался Алексей Парудий, имеющий к российской власти собственный список претензий. – Главное, не сдохни, Петро, пока качаться будешь.

– И в ФСБ поменьше рот раскрывай, когда заметут, – посоветовал Савеленко. – А то, что вас заметут, Петро, это даже не обсуждается. Хреновые вы конспираторы, ни ума, ни фантазии, достали уже со своими листовками в почтовых ящиках... Ладно, не на митинге, – сделал он предостерегающий жест, когда Петро собрался возмутиться. – Знаем, что ты хлопец толковый, не выдашь, оттого и взяли тебя...

Вытащив из холщовой сумки, пристегнутой к поясу, спутниковый телефон, он включил питание. Затрещал эфир.

– Густав, это Гефест... – забубнил Савеленко в трубку. – Густав, Густав, ответьте Гефесту...

– Слушаю тебя, Гефест, – прорезался сквозь помехи деловой голос. – Докладывайте обстановку. Задание выполнили?

– Так точно, Густав. Закладка в квадрате 14 произведена. Ориентир на дороге – одиноко торчащая скала в окружении камней. Направление – строго на дорогу, второй ориентир – раздвоенная глыба на косогоре. Груз – в двух метрах левее, трещина в обрыве. Мы заткнули ее травой, сейчас подчистим после себя...

– Я понял вас, Гефест, – отозвался собеседник в далекой украинской столице. – Прошу повторить.

Савеленко повторил – неизбежная процедура.

– Отлично, Гефест, – ровным голосом сообщили на том конце. – Уходите и забудьте, что делали. Ваша работа на этом окончена. Счастливого возвращения на дно.

Довольно ухмыляясь, Савеленко спрятал телефон.

– Все, хлопцы, по коням, возвращаемся домой. Руки в ноги, и на базу. Начальство довольно. Слава Украине, как говорится.

Обратно шли порожняком – бежали, пригнувшись, прыгая по кочкам. Фыркал двигатель «УАЗа», выезжающего из-за скалы. Шестьдесят верст – не крюк, еще и поспать удастся. Важное дело сделали, не остались в стороне от борьбы с «вселенским злом». А то, что после подрыва ЛЭП сами останутся без света, – так это только разукрасит мученический ореол...

В то же время в двадцати километрах к западу от Судака бурлило море. Волнение началось с наступлением темноты, а к часу ночи только усилилось. Это был живописный, хотя и не очень засиженный отдыхающими участок восточного берега Крыма. Вздymались скалы, где-то они вдавались в море, где-то отступали, образуя красивые бухты, заваленные гигантскими окатышами. Чернели провалы гротов и пещер. Высокие волны бились о камни, хищно шипели. Море рокотало – глухо, с угрозой, как будто под его вздымающейся массой затаился исполинский зверь, еще не решивший, стоит ли выходить. Слева от величавой скалы (если

смотреть от моря), похожей на врытую в землю лопату, скалы отступали, образуя вместительный галечный пляж. Он тянулся в длину метров на сто и явно не был диким. Здесь стояли лежаки, свернутые на ночь зонтики с врытыми в песок шестами. Под зонтом на перекладине болталась футболка, забытая кем-то из отдыхающих. Валялись пустые пивные банки, брошенные детьми игрушки. К пляжу через скалы выходили несколько тропок, за ними топорщились кусты, деревья, а дальше проступали очертания вытянутой крыши – пансионат «Береговое», довольно крупный и единственный на этом участке санаторно-курортный объект. К западу от пляжа скалы снова принимали хаотичный вид, но в воду уже не лезли – вдоль кромки моря то расширялась, то сужалась береговая полоса. Не весь берег был пригоден для отдыха – громоздились груды камней, массивы красноватой глины. В стороне от санаторного пляжа находились два пляжа поменьше – один в живописной бухте, окруженной частоколом скал, другой левее – под монолитной скалой, нависающей, как козырек. К западу зона отдыха завершалась, начиналась дикая природа. Проход у воды оставался, но очень узкий, во время шторма его захлестывали волны. За ним тянулся каменисто-земляной вал – отдельно лежащие глыбы, приземистые скалы, в которых чернели трещины и пещеры. Дальше каменное царство становилось совершенно непроходимым – скалы забирались в воду, формировали островки, попытка высадки на которые явно входила в разряд экстрима...

К часу ночи разгулялся ветер, он трепал кусты, кроны криворуких деревьев, вцепившихся корнями в расщелины, гнал волну. Июнь – начало курортного сезона, но погода еще неустойчивая, возможны перепады температур, порывы ветра – особенно в ночное время. На берегу не было ни одной живой души. Но вот покатился камень на гряде, у которой обрывался санаторный пляж, и за скалой возник силуэт. Мужчина огляделся и, убедившись, что никого нет, махнул рукой. Объявились еще двое. Все с тяжелыми рюкзаками, в резиновых сапогах и брезентовых накидках. Они по одному прыгнули к кромке воды. И двинулись вдоль моря в западном направлении. Волны захлестывали ноги, летели брызги, приходилось держаться ближе к скалам, чтобы не намочить груз. Парни достаточно утомились, пока протащили свою ношу через скалы. Они остановились на берегу относительно тихой бухты и сняли рюкзаки, чтобы передохнуть.

– Долго еще, Виталя? – пробормотал молодой парень. Лицо его в лунном свете отливало веснушками.

– Скоро, Антоха, скоро, – буркнул старший – загорелый мужчина лет тридцати с массивной челюстью. – Успеешь еще вернуться к своей Оксанке, дождется она тебя, не бойся... – и глумливо засмеялся, видя, как надулся товарищ.

Третий – приземистый, плотный, с физиономией, похожей на блин, – тоже засмеялся. Видимо, тема некой Оксанки пользовалась популярностью и могла отвлечь от тягот судьбы.

– А ты чего ржешь, Зубач? – обозлился молодой. – Да и ты бы, Виталя, придержал язык за зубами, а то...

– А то что? – перебил старший и пристально воззрился на него. Взгляд у него был недобрый. – Ты за базаром-то следи, Антоха, – посоветовал он, – не забывай, кто тут рулит.

– Ладно, будет вам, – миролюбиво бросил низкорослый Зубач. – Уставились, понимаешь, друг на дружку, как незалежная на Кацапию... Пошли, что ли?

Они снова взвалили на спину рюкзаки и двинулись дальше. Позади остался галечный пляж под нависающей скалой, дальше полоска намывного пляжа сузилась до предела. Приходилось перебираться через камни, карабкаться по плитам. Борьба с препятствиями не затянулась – через пару минут люди подошли к приметной скале, напоминающей голову какого-то плешивого уродца. У «левого уха» находилась расщелина, куда могли поместиться все три рюкзака. Передавали по цепочке – сильный Зубач тужился, переправляя их в «схрон». О характере груза он, видимо, знал – обращался, как с хрустальными изделиями.

– Все, Виталя, готово... – просипел он, переводя дыхание. – Лежат, родные, как яйца в гнездышке...

– Маскируйте, – проворчал Виталий Шестов, назначенный руководить очередной группой «крымских патриотов». Тайник был выбран местным агентом, работающим в пансионате «Береговое», а живущим в поселке Новый Свет, расположенном в полутора верстах на запад. Поселок отсюда не просматривался, но хорошо виднелись две бочкообразные скалы в глубине береговой полосы. По уверению агента, это было единственное подходящее место в округе. Во-первых, четкий ориентир, во-вторых, местечко малопосещаемое, и можно через скалы напрямую выйти к дороге на пансионат. Дальше – глупо, себе же создавать трудности, а ближе – опасно, там постоянно трутся отдыхающие. Залезет в «схрон» любопытствующий ребенок – и пропадет хорошая вещь ценой в тысячи долларов, не говоря уж о проваленном задании. Виталий исподлобья смотрел по сторонам. Место идеальное. Никто не полезет, да и продержаться тайнику нужно от силы пару дней. А потом начнется... Он не был посвящен в детали операции, но догадывался, что отдыхающим в пансионате не поздоровится. Черт с ними – не жалко. Повсюду враги – куда ни плюнь. Женщины, дети... какая разница? Сидели бы у себя в России, остались бы целы. Знали, куда ехали. Это не их земля! Пусть катят в обрат, проклятые ублюдки, и больше никогда сюда не приезжают! Его бы воля – он бы всех в резервацию отправил. А вынужден существовать рядом с ними, ходить на работу каждый день, словно он тут, типа, рядовой российский гражданин... Виталий третий год состоял в радикальной право-экстремистской группировке, особо не афишируя свои пристрастия, чем и привлек симпатии работников СБУ, подбирающих кадры для выполнения важных заданий на оккупированных территориях. У него был дом в пригороде Симферополя, где он жил с отцом-инвалидом. Батя тот еще бандера, хотя давно на пенсии, отошел от дел, но полностью в курсе происходящего. Все будет хорошо, главное, поменьше болтать и почаще озиаться...

– Все ништяк, Виталя? – буркнул Зубач, спрыгивая с плиты. – ФСБ еще не «пасет?»

– Боишься москаляк, Валера? – скривился Шестов.

– А чего же не бояться? – пожал плечами Зубач. – Конечно, боюсь, я же не мозгами отмороженный. И ты боишься, и вон – Антоха боится... – Он подвинулся, поддержал спрыгнувшего Снегиря. – Только идиот не боится... Да ты не очкуй, мы своих не предаем, до конца пойдем, пока всю эту нечисть из Тавриды не изгоним...

– Шо говорить-то, если «спялят»? – поинтересовался возбужденный Снегирь.

– А шо хочешь, – злобно хохотнул Шестов. – На японскую разведку работаем. Или на дьявола. Да все понятно, они же не тупые. Я не понял, хлопцы, – насторожился он, – вы что, уже за решетку собрались? Лично я туда не собираюсь, у меня граната есть, я лучше подорву себя, лишь бы этим тварям не достаться, да парочку с собой захвачу...

Сообщники с опаской покосились на старшего и как-то ненароком отодвинулись. Море под ногами продолжало бурлить. Шестов извлек из глубин штормовки спутниковый телефон со складной антенной. Абонент подключился быстро – вызов ожидали.

– Густав, Густав, это Алекс... – забубнил Шестов.

– Докладывай, Алекс, – произнес спокойный голос. – Задание выполнили?

– Все отлично, – не без гордости сообщил Шестов. – Груз укрыт на объекте «Гоблин»... М-м... вы понимаете, о чем речь?

– Да, понимаю, – отозвался собеседник. – У нас имеются фотоснимки этого места. Уточните – это прибрежная полоса недалеко от поселка Новый Свет, примерно в трехстах метрах от объекта «Береговое»...

– Так точно, Густав, – по-военному отрапортовал Шестов. – В трех метрах от моря. Груз укрыт надежно, посторонних нет.

– Отлично, Алекс, счастливого возвращения на дно. Постарайтесь не «засветиться» на обратном пути, – пожелал собеседник и отключился.

– Кач знает это место? – на всякий случай поинтересовался Снегирь. – А то далековато мы что-то забрались от объекта.

– Знает, – буркнул Шестов. – Эта дыра и есть инициатива Кача. Уходим, хлопцы, тем же путем, проторенной дорожкой. Смотрим в оба.

Без груза идти было намного веселее. Шли спортивным шагом, не обращая внимания на беснующиеся волны. Моря они, что ли, никогда не видели? Все «патриоты» родились и выросли в Крыму, он намертво в их сознании сросся с украинской землей. Говорили по-русски, и что с того? Хоть на суахили! Ни в каких скрижалях не сказано, что истинные патриоты независимой многонациональной Украины, стремящейся в Европу, обязаны гутарить по мове! Русский – универсален, в том числе при выполнении особо ответственных заданий...

Они шли, разгребая воду. Шестов возглавлял процессию. Вдруг он остановился, навестил уши, принял хищную позу. Остальные уперлись в него и тоже встали. Взгляд старшего перемещался со скалы на скалу. Темнота, не видно ни черта. Что ему почудилось, помимо ветра, плеска волн и кряхтения поделщиков за спиной? Камень упал? Так это дело рядовое, камни ведь не намертво приклеены. Померещилось, никого тут нет. Да и кто может быть во втором часу ночи, когда обстановка – ну очень неуютная?

– Что-то не так, Виталя? – спросил Зубач, выдыхая застарелый перегар с «добавками» чеснока.

– Не считая тебя, все так, – поморщился Шестов. – Почудилось что-то. Ничего не слышали?

– Да нет... – пожал тот плечами и тоже завертел головой.

– Нет тут никого, пошли, хлопцы, – заныл Снегирь.

– Ха, смотри, как к Оксанке торопится, – не упустил шанс поглумиться Зубач. – Слушай, извини, Антоха, не мое, конечно, дело, но что ты в ней нашел? Душа, что ли, широкая?

– Широка она, моя родная, – гоготнул Шестов. – Видели мы эту душу – ни в один бюстгальтер не влазит. Горячая, поди, но это нормально, лишь бы вовремя отключалась.

– И как у нее природа еще прощения не просит, – подмигнул ему Зубач.

– Не твое дело, Зубач! – начал снова заводить Снегирь. – На свою жену посмотри – страшна, как смертный грех! Боишься ведь ее, да? Помнишь, как она кочергу о тебя сломала? Весь город об этом судачил. Сила-то у бабы какая – кочергу об мужика сломать. Ты чем ее довел?..

– Ты шо трындишь, молокосос недоделанный? – обозлился Зубач. – Ты шо сплетни по углам собираешь? Не было такого!

– А ну, ша, обрадовались! – прикрикнул Шестов. – Совсем белены объелись? С тобой, Антоха, и пошутить нельзя, сразу на дыбы встаешь. Уходим, хлопцы, у нас еще долгая обратная дорога. К Качу надо зайти, он тут близко, в Новом Свете, обретается. Привез нас сюда – пусть и увозит...

Мужчины продолжали переругиваться, но уже не так громко. Двинулись дальше – к санаторному пляжу. Ночь продолжалась – напоенная воем ветра и рокотом прибоя...

Глава вторая

– Отлично, Алекс, счастливого возвращения на дно. Постарайтесь не «засветиться» на обратном пути, – сказал капитан СБУ Марцевич, положил трубку и перевел тумблер на панели управления в положение «выкл». Давно спать пора – два часа ночи. Пару минут тридцатипятилетний обладатель спортивного торса и щетинистого «ежика» на голове сидел неподвижно, потом поднялся и покинул операторскую, заперев ее на ключ. Спустился вниз по винтовой лестнице, вышел в коридор, где работало дежурное освещение. Управление особых операций лишь делало вид, что спало. Здесь всегда за дверьми кипела работа. Ночью делали то, что не успевали днем. «После отоспимся, – любил приговаривать начальник управления генерал-майор Крыленко, – когда Крым назад отобьем, Донбасс взорвем и заасфальтируем, вернем Кубань с Воронежем в состав Украины... Вот тогда дружно ляжем и отоспимся». Фактически генерал-майор Крыленко не курировал ни одного проекта, не работал с агентами, призывал поменьше думать, а больше работать. Он был «дамокловым мечом», висящим над головами подчиненных, а всю реальную работу осуществляли заместители и начальники отделов. Они не спали, на них сыпались все шишки. За неудачи отвечали лично, успехи отдавали начальству.

Марцевич постучал в дверь и машинально покосился на соседнюю, за которой трудились несколько командированных господ из разведки НАТО. Напыщенные, брезгливые, они целыми днями сидели в кабинете в компании переводчицы Олеси (обладающей допуском к информации особой секретности), вызывали к себе руководителей отделов, задавали неудобные вопросы, что-то записывали в электронные блокноты. Коллег из НАТО интересовала информация по Крыму. Уверения украинских чекистов, что блудный сын вот-вот вернется в лоно матери-Украины, вызывали у них дикое раздражение. Все понимали, что Крым никуда не вернется. Не для того Россия мучила весь этот сыр-бор, обустраивала там военные базы, пичкая их всеми видами современного вооружения, не для того ввела свои порядки вплоть до последнего поселкового совета, тянула энергетические ветки, закрутила карусель со строительством моста через Керченский пролив за нереально бешеные деньги... Но сегодня коллег из альянса Марцевич не видел. Не вынесла душа, уехали? Вспомнился анекдот, почерпнутый из Интернета: «Украину европеизировали, европеизировали, да не выевропеизировали...»

Дверь была незаперта. В кабинете начальника 1-го отдела (который в шутку называли Департаментом по созданию чрезвычайных ситуаций) играла тихая музыка. Что-то вечное, то ли Вагнер, то ли Штраус. В отличие от своего начальника капитан Марцевич даже не делал вид, что разбирается в этом. Полковник Веселовский сидел в кресле, откинув голову и закрыв глаза. Он не реагировал на звуки. Со стороны могло показаться, что полковник СБУ Веселовский Олег Макарович умер. Но это только казалось. Такого подарка подчиненным он делать не собирался. Полковнику было слегка за сорок. Высокий, спортивный, с холемым аристократическим лицом. Потомок какого-то ляха из Волыни. Дьявольски умный, лишенный снобизма, тупого солдафонства, способный подстраиваться под любую ситуацию, делать все, как скажет начальство, но в итоге все равно остаться в личном выигрыше. Не было таких неприятностей, чтобы Олег Макарович не выходил из них сухим, – а для этого нужен если не талант, то хотя бы незаурядные личные качества. Профессионалом он тоже был неплохим. Работал на совесть, слыл самым сдержанным человеком в управлении. Ни разу Марцевич не слышал, чтобы полковник прилюдно крыл кого-то матом, восхвалял родное государство, орал «Слава Украине» и тому подобные глупости...

Пианист виртуозно перебирал клавиши. Породистое лицо полковника дрогнуло, он открыл глаза, убавил звук приемника. Другая рука потянулась к бокалу с «Гленморанж» на журнальном столике. Он отпил, поставил бокал обратно.

– Есть новости, Семен? – Голос у полковника был ровный, бесцветный.

– Гефест и Алекс вышли на связь, Олег Макарович, – вкрадчиво доложил Марцевич. – Закладки произведены. Никаких происшествий. Ориентиры есть.

– Это воистину благая весть, – сухо улыбнулся полковник.

Иногда у Марцевича складывалось впечатление, что шеф не очень вызывающе копирует повадки офицеров приснопамятного Третьего рейха. Вся эта бьющая в глаза породистость, псевдоаристократизм, холодная вежливость, приверженность к классической музыке. И сам он иногда ловил себя на том, что копирует повадки шефа. Напрасно это. Где сейчас офицеры того рейха?

– Ну что ж, отлично! – Полковник пружинисто поднялся, прошелся по ковру. – Убедитесь, что эти «патриоты» благополучно доехали до дома, что никто за ними не следит. – Он покосился на часы, показывающие третий час ночи, и добавил: – Разрешаю это сделать утром, не сидеть всю ночь на рабочем месте.

– Понятно, – кивнул Марцевич.

– В одиннадцать утра собрать группу в спортзале 4-го корпуса, включая комроты Рубанского и его заместителя Барчука. Тряхните плановую службу – чтобы к этому времени были готовы документы и денежные средства. Форма одежды гражданская, но без глупостей. Все личные вещи у парней должны быть с собой.

– Слушаюсь, – сухо вымолвил Марцевич.

– Езжай домой, спи, – махнул рукой полковник. – И только попробуй не выспаться за четыре часа.

Он снова опустился в кресло и отрешенно смотрел, как исполнительный работник выходит из кабинета. Потом поднялся, размял кости, отправился к шкафу за курткой. Форменную одежду полковник не любил, надевал ее лишь в «безнадежных» случаях. И в кабинете не было ничего отвлекающего – тупых плакатов, призывов, или, боже упаси, портретов президента и главы СБУ. Обоих персонажей он хронически не переваривал – за глупость и полный непрофессионализм.

– Николай, готовь машину. Домой, – сняв трубку, бросил он.

Затем запер кабинет и по винтовой лестнице спустился в гараж, где в отдельном боксе стоял его джип, всегда готовый к «бою». Молчаливый шофер уже выгонял его на волю. Полковник съезжился на заднем сиденье, сумрачно смотрел, как за окном мелькает ночная столица. Недавно прошел дождь, блестели лужи в свете ночных фонарей (потрясающая расточительность мэра-боксера), брызги воды летели из-под колес. В принципе он мог бы пойти и пешком, расстояние – три с половиной квартала всего. И в дневное время с удовольствием бы дошел – спортивную форму никто не отменял. Но поздновато уже. Спать-то осталось – всего ничего... Водитель въехал в арку охраняемого «сталинского» дома. Сработали ворота с пульта. Полковник вышел, кинул через плечо, чтобы к девяти прибыл, и направился к подъезду. Домофон, лифт, жена – совсем одна в огромной квартире... У Елизаветы Максимовны не было привычки ждать мужа до последнего – легла спать, едва пробило полночь. Но встала, чтобы встретить благоверного – растрепанная, в сорочке, зевала так, что челюсть отваливалась.

– Нарисовался, – пробормотала она, идя, пошатываясь, на кухню – за водой.

– Не поверишь, дорогая, – отозвался Олег Макарович, – работал.

– Бывает, – вздохнула жена, забираясь в холодильник. Первое правило семейной жизни: проходя мимо жены, поцелуй ее. Все равно мимо идешь, а ей приятно. Он чмокнул супругу в затылок, она пробормотала что-то «полуодобрительное», утолила жажду и побрела обратно в спальню – ночь еще не кончилась. Он тоже с одобрением посмотрел ей вслед. Тихая, безропотная, понимает, где работает ее муж. У самой своя фирма, денег зарабатывает больше мужа, а ведь прекрасно знает свое место. Однажды призналась: разве стали бы умные женщины требовать равных прав с мужчинами? Женщина должна быть хитрой, скрытной и демонстративно наивной. Он изменял своей жене – не часто, но бывало. «Левые» отношения тщательно маски-

ровал, прикрывал железными отмазками, не видя в этом ничего аморального. Чего стыдиться, если жена не узнает? И вообще, если бог был против супружеской измены, то зачем зачал своего ребенка с замужней женщиной? Других в Палестине не нашлось? От мыслей, что жена ему тоже может изменять, Олег Макарович тщательно оберегал свой мозг. Не поймана – значит, никакой измены. А ловить не хотелось, да и некогда с этой ужасной работой, на которой перекурить-то не всегда удастся. Есть такие вещи в этой жизни, которые лучше не знать...

Душ на скорую руку, легкий ужин с вчерашней осетриной. Три часа ночи, до восьми можно спать. Пока все идет по плану, да будет так вечно... В спальне царила глухая, насыщенная какими-то непонятными нюансами тишина. Разметавшись на кровати, Елизавета Максимовна уже спала. В принципе ангел (с небольшой погрешностью). Недаром бытует мнение, что человеку в жизни должно трижды повезти: от кого родиться, у кого учиться и на ком жениться. Кем бы он был сейчас, кабы не тесть – ныне покойный, а в девяностые – один из влиятельных заместителей городского главы? Пробивался по жизни сам, своим умом и хитростью, но начало положили именно тогда: пристроили по протекции в СБУ, дали неплохую должность...

Мысли делали круг, как в чертовом колесе, и возвращались на исходную. Будь неладна эта нервная работа! У президента незалежной, похоже, обострение. Обзаводится друзьями из меджлиса, и идеи генерируют – хоть сразу в клинику. Снова в каждом выступлении: мы вернем наш родной украинский Крым, мы сделаем это любыми способами, вплоть до военных! Ввели торговую блокаду, тормозили фуры на Сиваше и Чонгаре – обернулось тем, что разорились собственные предприниматели и граждане Херсонской и Запорожской областей потеряли работу. Россияне же обрадовались и завалили Крым своими товарами. Теперь творцы блокады не прочь вернуть, как было, но надо сохранить лицо. Какие-то кретины взрывали ЛЭП на Херсонщине, оставили Крым без электричества, и чем закончилось? Крымчане потерпели, потом получили три новых энергомоста из России и свет в каждом доме! Про морскую блокаду и говорить нечего – такой бред даже не всякий умалишенный потянет. Блокировать торговые суда, идущие из России в Крым! Интересно, чем? Пиратскими шхунами? Баркасами тети Сони из Одессы? Заодно ракетный крейсер «Москва» заблокировать – с прочими эсминцами и десантными кораблями? Эти глупцы боятся себе признаться, что Крым потерян всерьез и надолго и лучше думать о других вещах. Но нет, не желают успокаиваться высокие деятели меджлиса. Новая фишка – сформирован добровольческий крымский батальон из лучших сынов народа. По первому же зову он войдет в Крым и на штыках принесет свободу изнемогающим от оккупации жителям полуострова! И сразу поднимутся местные патриоты, скинут ненавистный режим, сотни тысяч людей выйдут на улицу встречать освободителей... Эти перлы даже критиковать неловко. Стыдно, господи, меняйте мантры. Российские войска даже из казарм не выйдут, пошлют навстречу вашему батальону роту спецназа, и та за полчаса расфасует ваших доблестных сынов по мешкам. В батальоне четыре ржавых грузовика и несколько британских броневиков, которые еще в XX веке списали. Ни ума, ни фантазии. Ни капли прагматизма. Реально считают, что военной силой можно что-то сделать. Да хоть дивизию НАТО туда пошли – русские все равно отобьются, а потом в отместку пол-Европы захватят. Кретины один на другом, Рада – кретины, высшее руководство СБУ, чего уж греха таить, – кретины в квадрате! Президент – о, этот вообще в кубе! Персонаж с ограниченными функциями мозга. Умное лицо делать научился, а пользоваться им – еще рано. Со всех трибун взывал: свободу Надежде Савченко! И депутатом Рады ее заочно назначили, и депутатом ПАСЕ. Сделали национальной героиней, великомученицей в застенках оккупантов. Практически всю государственную политику подвели под Наденьку. Сколько эмоций, сколько постановочных трюков! Детишки в школах ее проходят. А российский президент оказался с юмором: забирайте свой геморрой. И на хрена он сдался, если это реально геморрой? Одно дело – создать образ святой девы в когтях монстра, и совсем другое – когда эта дура правду-матку режет, водку жрет, в

президенты метит, босиком на заседания парламента ходит и бредовые мысли высказывает. Хоть бы похудела в застенках оккупантов! Отьела бока по ходу своих голодовок...

К счастью, остались еще в стране неглупые люди. Управление особых операций считалось «государством в государстве», и давно уже следовало подумать о выделении его в отдельную структуру – дабы не лезло руководство СБУ со своими глупостями. Но все упиралось в нехватку денег. Неделю назад генерал-майор Крыленко провел совещание. Партнеры по НАТО недовольны действиями украинских спецслужб – придется соответствовать, господа офицеры. Военное решение проблемы Крыма полностью исключается, но что-то надо делать, все согласны? Русские все больше укрепляются в Крыму, расширяют сферы влияния, нацеливают ракеты на НАТО, и НАТО, разумеется, беспокоится. В принципе бес с ним, с Крымом, разумные люди понимают, что он всегда был русским, и то, что случилось – логично. Но жизнь на полуострове, как ни прискорбно, налаживается. Процветает туризм – невзирая на оригинальный крымский сервис и заклинания Киева об очередном провале курортного сезона в Крыму. Зарплаты, хоть и медленно, растут, равно как и пенсии, безработица сокращается, полки в магазинах заполняются. Да и не рвется население обратно на Украину, как бы тяжело ему ни было «под пятой» Кремля. Киевские власти выдают желаемое за действительное. Ситуация в Крыму стабилизируется. Тянут линии электропередачи, газопровод, решаются проблемы с пресной водой, разворачивается строительство. Переводятся деньги на благоустройство населенных пунктов. Пройдет несколько лет, и жители Украины будут смотреть на Крым, как на рай земной. А вот этого допустить нельзя! Партнеры по НАТО все прекрасно понимают и предлагают план по дестабилизации обстановки на полуострове. Крым должен превратиться в Ольстер, в Ирак, в точку на планете, где постоянно что-то тлеет и периодически взрывается. Чтобы люди жили в напряжении, чтобы русские надорвались, вышвыривая деньги в бездонную трубу, чтобы туристы боялись ехать в Крым! Будут жертвы среди гражданских, пусть будет много жертв! История оправдает, потомки поймут. Надеюсь, все присутствующие понимают, что это во благо украинского государства, а заодно приструнить имперские амбиции Кремля? И согласитесь, господа, если подобная ситуация будет тянуться годами, если люди будут бояться элементарно выйти на улицу – что начнется через пару лет? Уже не потешные крымские батальоны, а реальное народное восстание захлестнет земли древней Тавриды!

Насчет «народного восстания» у полковника Веселовского были некоторые сомнения, но сама идея имела зерно. Жизнь на нервах, когда не знаешь, где рванет завтра, послезавтра. Это не сработает ни завтра, ни послезавтра, но в долгосрочной перспективе – должно. План Крыленко сводился к следующему. Поменьше болтовни и откровений, вся каша варится внутри управления. К работе привлекаются бойцы специально сформированной засекреченной диверсионной роты «Айган» под командованием майора Рубанского Павла Даниловича. Офицер опытный, бойцы – тренированные, смекалистые и лютые. Способны к перевоплощению. Рота дислоцирована на базе у поселка Лехов под Киевом и является боевой структурой управления. Весь личный состав на начальном этапе использовать незачем, хватит десятка специалистов, знакомых не только с боевым делом, но и с минированием. Принято решение провести в Крыму две одновременные диверсии, которые поднимут шум. Первый объект – линия высоковольтной передачи, составная часть нового энергетического моста. Объект определен, в случае успеха блэкаут обеспечен надолго. Затраты на ремонт будут колоссальные. Второй объект – пансионат «Береговое», находящийся недалеко от Нового Света. Имеется в виду не просто взрыв, а полное уничтожение пансионата вместе с содержимым – отдыхающими, персоналом... Выбор объекта объясняется уединенным расположением, отсутствием в округе значимых населенных пунктов. Новый Свет – маленький поселок, меньше тысячи населения, отели и санаторно-курортные комплексы отсутствуют (так сложилось исторически, хотя места красивые). Единственное курортное учреждение – упомянутый пансионат в стороне от поселка. Охраны там, понятно, нет, безопасность – на нуле. В заведении работают

несколько врачей, проводятся процедуры СПА, омоложения, лечат астму, заболевания бронхов. Но это на любителя. Фактически пансионат «Береговое» – незатейливый отель, где любой может снять номер. Имеется столовая, кафе, парк, неплохой пляж, дважды в день проходит автобус маршрута Судак – Алушта. Живут в пансионате те, кто не любит шумный отдых. В данный момент номера заполнены на две трети – примерно шестьдесят отдыхающих. Плюс персонал – полтора десятка. Приказ – майору Рубанскому и полковнику Веселовскому: подготовить две диверсионные группы, общей численностью десять-одиннадцать человек. Малая группа с капитаном Барчуком пойдет на объект «ЛЭП», вторая, под руководством лично майора Рубанского (не «засвеченного» в разработках российских спецслужб), – на объект «Пансионат». Задание серьезное, командовать и нести ответственность будут офицеры. И пусть их не тревожат моральные аспекты и последствия. Грехи отпустит государство, оно же разберется с последствиями. Не привыкать – провокация российских спецслужб с целью обвинить в диверсии украинские спецслужбы. Взрывчатку доставят местные патриоты. Задача групп – извлечь ее из мест закладки, доставить на место проведения диверсии и подорвать. Со дня на день проведут закладку. Взрывчатка уже в Крыму – современная, мощная, ее хватит, чтобы разнести в клочья и пансионат с отдыхающими, и опоры ЛЭП. Количество взрывчатки определяют специалисты. В пансионате работает свой человек, он поможет. Схема пансионата прилагается. Как и все ориентиры, а также карта местности. Взрывчатку разместить в подвале равномерно по периметру. В случае с ЛЭП – у каждой из опор. Использовать дистанционные радиовзрыватели. Подрывы провести одновременно. По выполнении – отход в глубь полуострова на длительный отстой. Местные товарищи помогут с убежищем и провиантом. Сформировать подгруппы уже завтра. Поставить задачу, обеспечить бойцов всем необходимым. Держать людей наготове. Переброска начнется после доклада «местных» об успешной закладке. Обеспечить людей российскими паспортами, денежными знаками под роспись. Лететь поодиночке – самолетами гражданской авиации, через Белоруссию в российский Краснодар. Дальше, под видом отдыхающих, через Керченскую переправу – на базу. База – под Симферополем, дом отца Виталия Шестова. Здание на краю поселка, соседствует со свалками и оврагом, убежище идеальное. Семейство Шестовых и агент в Новом Свете предупреждены о прибытии групп. На переброску двое суток. По прибытии – доклады, скрытая разведка, закладка взрывчатки непосредственно в объекты. С Богом, господа! Российские паспорта – чистые, с печатями – заказать в секретной части уже сегодня, а заполнить после определения состава групп. Для этого на базу в Лехов откомандировать майора Гарина. А теперь вопросы, господа, – желательно, только технического плана...

Это было что-то новенькое – массовое убийство граждан другого государства. Но все бывает впервые. Полковник Веселовский с энтузиазмом взялся за работу. И вот воистину благая весть: крымские «партизаны» провезли взрывчатку через оккупированные территории и упрятали в тайники рядом с местами готовящихся атак. Можно приступать...

В девять утра полковник Веселовский сел в подъехавшую к дому машину (и когда начнет ходить пешком?), потом надолго зарылся в бумаги в кабинете, решал текущие вопросы, попутно ругаясь с секретным отделом. К одиннадцати часам, перекусив бургером, которые насобачилась готовить жена, спустился в спортзал. Вся компания уже ждала. «Дружеская» камерная обстановка. Во всем комплексе, включая спортзал, туалеты и рабочие подсобки, работали «глушилки», полностью исключая использование подслушивающей аппаратуры. Хотелось верить, что майор Рубанский выбрал лучших из своей банды головорезов. Все присутствующие были в штатском, но это не мешало бойцам построиться в шеренгу. На правом фланге переминался невзрачный капитан Барчук – заместитель командира роты. Заложив руки за спину, перед строем прохаживался командир диверсионной роты майор Рубанский – немного грузноватый, степенный, с мрачным лицом. Поодаль мялся, делая вид, что он тут ни при чем, заместитель Веселовского Марцевич.

– Отделение, смирно! – прорычал Рубанский.

– Вольно, – поморщился полковник, подходя к строю.

Бойцы подобрались, сделали глупые лица. Полковник с задумчивым видом прогуливался вдоль строя, всматривался в лица бойцов, косился на их одежду, на сумки с личными вещами под ногами. Никаких татар, предупредил он сразу, – никаких евреев, греков, армян и тому подобных. Этнические русские тоже не приветствуются – пусть они и лояльны украинскому государству. Только украинцы (но обязательно владеющие русским языком), желательны приверженцы праворадикальных идей – то есть люди, нормально относящиеся к массовой ликвидации отдыхающих. Только фанатики, ярые националисты, готовые отдать жизнь за украинскую идею (к черту либеральную чушь!). Но и не тупые исполнители – нужна смекалка, военная хитрость и умение находить выход в трудных ситуациях.

– Прошу представить, майор, свое войско, – пробормотал Веселовский.

Майор отрывисто выкрикивал звания, фамилии, имена, люди выходили на шаг из строя, выжидали несколько секунд и отступали обратно. Сержант Горбач – рослый здоровяк с пресной, немного обрюзгшей физиономией. Полковник мысленно давал им яркие характеристики. Барсук, угрюмый мизантроп, можно использовать в качестве тарана или устрашения. Такому надо постараться, чтобы пройти через российскую таможню. Хотя какого черта – с российским-то паспортом? Можно подумать, в Московии быков не хватает... Сержант Костюк – полная противоположность, невысокий, жилистый, с ядовитым прищуром. Змея, гадюка, жалящая, когда не ждешь... Рядовой Пахоменко – степенный, вроде бы сдержанный, с наголо выбритым черепом и трехдневной щетиной на откормленной морде. Темная лошадка, определенно темная... Рядовой Рогаченко – здоровый, рыжий, конопатый. Фаллоимитатор, в натуре! Глаза пустые, болотного цвета, но сам не тупой – тупым здесь не место! Рядовой Волошин (однофамилец знаменитого поэта, жившего в Коктебеле) – какой-то яйцообразный, с короткой черной стрижкой, ехидная ухмылка. Вылитая копия (впрочем, сильно омоложенная) бывшего итальянского премьера, которого, кстати, запретили на Украине... Следующим из строя вывалился очередной здоровяк – плечистый, с монументальной челюстью, плотно сжатыми циничными губами. Рядовой Золотовский! Полковник задержался рядом с этим парнем. Рожа у тебя, братец, – как у знаменитого французского актера в молодости... Которого, кстати, тоже на Украине запретили...

Рубанский заметил что-то странное в побагровевшем лице полковника и насторожился:

– Что-то не так, господин полковник?

Тот раздраженно отмахнулся – все в порядке. Не объяснять же, что смешинка в рот попала. Он бы лично расстрелял всех этих «запретителей»! Запрещают мировых знаменитостей, из любопытства посещающих Крым, запрещают книги, запрещают фильмы, где якобы восхваляются российские силовые структуры. Визжат, как недорезанные поросята, когда кто-то из высшего руководства России едет с визитом в Крым. Почему без разрешения киевских властей?! И не приходит в голову кретинам, что это исторически свершившийся факт, и нечего визжать. Это не Россия, не сепаратисты – это ОНИ главная угроза национальной безопасности! Это ОНИ делают из страны всемирное посмешище!

На видной челюсти рядового Золотовского цвела фиолетовая припухлость. Полковник усмехнулся, шагнул к следующему. Рядовой Костров. Рост средний, плечи развернуты, модельный красавчик, наверняка очень популярен у гарных украинских дивчин. Впрочем, бровь рассечена – явно свежее приобретение. А под ссадиной такая же припухлость, как у Золотовского. Он укоризненно покачал головой. И этот с «отделкой». Следующий! Рядовой Буханка – все на месте, регулярный посетитель спортзала, взгляд решительный, только уши подкачали – торчат, как у радиолокационной станции...

У полковника была прекрасная память на лица и фамилии. Рядовой Фроленко – крепкий бычок с цепким взглядом и клочком «сапожной щетки» под носом. Последний – рядовой

Карпович. Такой же крепкий, кряжистый, с серьезной, нахмуренной миной. Впрочем, что-то мелькало в его глазах – пугливость, отблески иронии, непреходящий страх перед начальством. Полковник встал напротив него, пристально воззрился, и у бойца возникло огромное желание втянуть голову в плечи, а лучше провалиться сквозь землю. Олегу Даниловичу уже доложили. Прошедшим вечером, когда вся группа готовилась к заданию, «три товарища» решили развеяться, так сказать, перед трудной работой. Рядовые Золотовский, Костров и Карпович. Думали, что никто не заметит их выходку. Выпили немного, чтобы к утру быть в форме (0,7 горилки на троих – разве выпивка?), и после отбоя скрытно покинули расположение базы, где проживали в общежитии гостиничного типа (на всем готовом, суки, продукты им из киевских ресторанов доставляли, раз в неделю в увольнительную в Киев отпускали!). Сели в джип, наплели на КПП, что срочно вызывают в штаб бригады (а запашок – для храбрости) – и в поселок Лехов, где у Кострова была девчонка. А в местном клубе – танцы. Хорошая советская классика – дискотека, девочки, местные парни. Ладно, без знаков различия поехали, в «чистом» американском камуфляже. А дальше – по обкатанной потомками схеме: бойцы – к девочкам, остальным грубили, местным что-то не понравилось. В общем, слово за слово, толпа деревенских набросилась на бравых бойцов – а те только того и ждали. Бились с удалью – кулаками, ремнями, проломили пол, разбили вдребезги аппаратуру. На славу погуляли, кретины! Хорошо хоть не убили никого, но счет разбитым носам перевалил за десяток. Четверо потерпевших оказались крымскими татарами. Еще и разжигаем межнациональную вражду? Про материальный ущерб и говорить нечего. С девчонками вот только пообщаться не удалось. Зато оттянулись с душой, адреналин погоняли. Кто-то вызвал полицию, примчались стражи порядка. Эти трое выскочили на джипе у них под носом, да еще устроили короткую, но яркую погоню, в ходе которой столкнулись две полицейские машины, а один сотрудник правоохранительных органов получил вывих лодыжки. Вернулись в расположение довольные, сияющие. Эх, самоволочка, – пролетела, как картоночка! Полиция их вычислила, рванула к бывшей базе отдыха. Полночи разбирались с заместителем командира роты, который делал вид, что он не в курсе (хотя был в курсе). Дюжина потерпевших, вы в своем уме, господа военные?! Подтянулся заспанный майор Рубанский, прогнал полицию к чертовой матери, посоветовав забыть, что было на дискотеке и дорогу к этой базе. Когда пристыженные полицейские отбыли восвояси, майор вызвал к себе гуляк (уже протрезвевших), всыпал им по первое число, но не на дыбу же их? Список группы утвержден, люди готовы. Нет у него времени на показательную «казнь». Объявил по выговору, отправил спать. Но полковнику Веселовскому, поколебавшись, все же доложил, попутно поручившись за парней и пообещав, что они больше не будут.

Не будут так не будут. Детский сад какой-то. Ладно, хоть малый урок получили любители баб и ночного мордобоя.

– Внимание сюда, – резко бросил полковник, и шеренга перестала дышать. – С этого момента я не потерплю нарушения дисциплины – даже незначительного. Беспрекословно подчиняетесь своим командирам. Слушай задачу. – Он говорил точеными фразами – чтобы лучше доходило. – Операция начинается с этой минуты. Предельное внимание и концентрация. Группа делится на две подгруппы. Первая – объект «ЛЭП». Туда пойдут сержант Горбач, рядовые Буханка, Фроленко и Рогаченко. Старший – капитан Барчук. Итого – пятеро. Группа довольно многочисленная – возможно, потребуются усиление и прикрытие. Главный объект – «Пансионат». Старший подгруппы – майор Рубанский. Заместитель – сержант Костюк. В подгруппу входят рядовые Карпович, Костров, Золотовский, Пахоменко и Волошин. Толпой не «светиться». Всем в пансионат не лезть – потребуются посты наблюдения и прикрытия. Работать в контакте с местными агентами – Шестовым и Качем. База – дом Шестовых под Симферополем. На подготовку – не больше двух суток. В идеале – ночь с 14 на 15 июня. Сейчас все получают российские документы – паспорта (не простые, а поддельные), удостоверения российских военнослужащих (бригада спецназа, расквартированная в крымском Светлогорске) – но

последние использовать только в крайнем случае. Все получают деньги под роспись – по 150 тысяч российских рублей. Плюс небольшая сумма в дензнаках США – на всякий пожарный. Деньгами не сорить, придется отчитываться за каждую копейку. Вылет сегодня: из Киева два регулярных рейса на Минск, с интервалом в полтора часа. В Минске стыковочные рейсы на Краснодар и Анапу. Билеты уже забронированы. В самолетах не общаться – каждый сам по себе. Сидеть отдельно. Вы – российские граждане, едете в Крым – кто-то на отдых, кто-то к родственникам. Говорить только на русском языке (меж собой в Крыму, кстати, тоже). По прибытии в Крым – ловить такси, и немедленно на базу. С работой не тянуть, максимум два-три дня – скрытное приближение к объектам, разведка местности, выполнение задания и отход в горы, где одним из местных патриотов уже оборудована «заимка» со всем необходимым... Слава Украине, солдаты! – Не любил он этого пафоса, но куда денешься? – Надеюсь, все понимают, что от успеха работы зависит многое? Мы вернем Крым! Мы покажем москалям их предписанное историей «отхожее» место!

Глава третья

Двумя днями ранее...

Он заприметил эту женщину еще вчера вечером, когда возвращался с пляжа. Она только прибыла в пансионат – мялась с чемоданчиком у администраторской стойки, с интересом поглядывая по сторонам, и была не такая, как все, – в светлом воздушном платье рискованной длины, невысокая, с короткими локонами до плеч. Навскидку – лет 28. Кольцо на пальце отсутствовало – и почему Глеб обратил внимание на эту деталь? Это же Крым, курорт, лето – разве сложно снять с пальца кольцо? Он поднялся на второй этаж в свой номер, открыл банку с пивом, устроился на балконе с видом на море и весь вечер провел в каком-то оцепенении. В холодильнике нашлись еще четыре банки – отправил их в организм вслед за первой. Поэтому утром состояние было так себе. Шатался, как призрак, по двухместному номеру, в котором, по счастью, проживал один. Ведь давал себе зарок не смотреть в зеркало без нужды! Зачем посмотрел? Здравствуй, товарищ бывший капитан Туманов Глеб Олегович, вы шикарно сегодня выглядите! Хотя и вчера вы выглядели так же! Полумятый, нестриженный, какой-то неживой, да еще с похмелья. Брюс Уиллис, блин! Тот мир спасал, а ты даже себя спасти не можешь. Никакого сравнения с собой же двухнедельной давности. Стало как-то стыдно, Глеб забрался в душ, где очень кстати выключили горячую воду. Вышел посвежевший, привел себя в порядок, отправился в столовую на завтрак, который, как ни странно, входил в понятие «не все включено»...

Он сидел в углу за пальмой, ковырялся в тарелке, равнодушно поглядывал на окружающих. Пансионат «Береговое» благополучно просыпался. Заспанные отдыхающие тянулись к раздаче, кто-то зевал, кто-то шутил, кто-то выяснял ворчанием сложные семейные отношения. Столовая располагалась на террасе, огражденной потертыми перилами. Частично она находилась в здании, частично на улице. Крыша имелась, но какая-то сомнительная – сквозь щели просвечивало небо. Дальше был дворик, аллейки, не очень ухоженный сад. Потом камни, скалы, море, которое этим утром не отличалось буйным нравом, тихо плескалось и издавало далеко идущий йодистый запах. Отдыхающие заполняли столики, гремели посудой. Кто-то жадно ел, другие тоскливо разглядывали содержимое тарелок. Сервис в Крыму, как и при Союзе, остался весьма «ненавязчивым». В этом имела даже некая пикантность.

– Мама, а что это такое желтое у меня в тарелке? – капризно вопрошала маленькая девочка с косичками. Она болтала ножками и тыкала вилкой в свой «шведский» завтрак.

– Это глазунья, Катюша, – равнодушно отвечала не очень ухоженная мать лет тридцати пяти. – Ешь, не спрашивай, она вкусная.

– Серьезно? – удивился отец семейства, проверяя на ощупь то же самое у себя в тарелке. – А на вид не скажешь.

За соседним столиком расположилась другая семейная чета. Уже в годах, непривередливые к еде. Мужчина пошучивал: вот и дожил до пенсии, теперь, видимо, штраф за это заплатить придется. Непривычно – голова пустая, заняться нечем, а еще супруга привезла в дыру, где только пляж и скалы. Ни больницы, ни поликлиники. А он точно в этой дыре вылечит свой бронхит? Непохоже, что здесь проводятся массовые лечебные процедуры. «Проводятся, Витенька, проводятся, – ворковала супруга, подкладывая в тарелку мужа листья салата. – Ты кушай травку, кушай, очень полезно». Мужчина смеялся, безропотно хрустел травой. Оба смотрели друг на друга влюбленными глазами. У окна недалеко от Глеба сидела еще одна парочка – помоложе, но тоже семейная. У нее была немытая голова, хмурое лицо. У него – похмелье цвело по небритой физиономии. Движения – заторможенные, в бледном лице – весь трагизм мира. Женщина злилась, не могла понять, почему намеренно выпустила ситуацию из-

под контроля, и этот гад напился. Мужчина жадными глотками пил чай, а супруга смотрела на него злобной горгоной и готовила новый пакет санкций.

– Тоже на пенсию хочу... – пробормотал мужчина, провожая взглядом откушавших пенсионеров. Ему сегодня очень не хватало апокалипсиса.

– Пол смени, – фыркнула супруга, – вместе уйдем в пятьдесят пять.

Подошла зевающая работница, стала тряпкой протирать стол пенсионеров. Передник на ней не отличался первозданной свежестью. Похоже, у персонала были либеральные представления о чистоте и гигиене. «Все по парам, – лениво думал Глеб, отставляя от себя тарелку с недоеденным завтраком и берясь за компот, из которого торчали веточки вишни, – только ты один, совсем один. Ну, и забей». Появился сторож пансионата – пожилой Федор Никодимович – всегда гладко выбритый, хотя это его не молодило. Вчера перебросились парой фраз о рыбалке – вроде нормальный мужик, обещал свозить на лодке в море, где морские окуни клюют на голый крючок! Встретился с ним глазами, кивнул. Молодец, старик, не совсем склерозник. Видимо, пенсии и зарплаты на безбедную жизнь не хватало, Федор Никодимович подрабатывал электриком и сантехником – тащил тяжелый чемоданчик с инструментами. Растерянно глянул по сторонам – чего вызывали-то? Из подсобки высунулась полная повариха, поманила его на кухню, где что-то вышло из строя. Старик вздохнул и побрел устранять неисправность.

Глеб перехватил заинтересованный взгляд официантки Галки. Одинокий мужчина, приятный собой, хотя и помятый, очень интересно... Объявилась администратор Ольга Борисовна – 35 лет, мазнула взглядом отдыхающих, задержалась на одиноком мужчине, который считал, что спрятался в углу. Ни фига он не спрятался! Ольга Борисовна улыбнулась, он ответил вялой улыбкой, и она поспешила по проходу дальше с немного удивленным выражением лица.

Глеб допил компот, куда могли бы и не пожалеть сахара (спасибо, хоть не отравили), собрался покинуть помещение, и в этот момент появилась та девушка, о которой он уже забыл. Быстро вошла в столовую, посматривая на часы – до окончания кормежки оставалось десять минут, – устремилась к раздаточному столу. Что-то набросала в тарелку, особо не всматриваясь, потом продефилировала между столиками, села за освободившийся после пенсионеров. Стало интересно. Хорошенькая, со смешинкой, в легком ситцевом платье – и снова без обручального кольца. Она поставила поднос перед собой, перебирала вилкой содержимое, отыскивая что-нибудь съедобное.

– Господи... – донесся до Глеба тоскливый вздох. – Это нужно есть?

Женщина подняла взгляд, посмотрела на него. У нее были красивые небесно-голубые глаза. Глеб неуклюже улыбнулся и потупился.

– Анюта, вот вы где! – раздался грубый голос, и к девушке устремился, улыбаясь до ушей, грузный мужчина с породистым лицом и в канареичной рубаше до колен. В одной руке он держал тарелку, в другой чашку. – Вы не возражаете, если я к вам присяду? Прекрасный день, правда? А что вы собираетесь делать после завтрака?

Взор девушки поскуцнел – это не могло укрыться от Глеба. Она глянула в его сторону с каким-то неосознанным сожалением, снова вздохнула.

– Конечно, Эдуард, присаживайтесь... если больше некуда.

Мужчина был тем еще кадром. Такие пристанут – гвоздодером не отдерешь. Он смеялся, что-то говорил, орудуя одновременно двумя вилками (!), его грубоватая речь сливалась в какофонию. Девушка окончательно поскуцнела, отвечала односложно. Быстро покосилась на Глеба и опустила глаза в тарелку. «Бывает», – подумал он и с сожалением начал выбираться из-за стола.

Что он тут делал? Как его занесло в этот богом забытый пансионат? Он жил тут уже три дня и никак не мог взять в толк, зачем? Не хотелось расставаться с Крымом? Но перед смертью не надышишься. При чем тут загнивающий санаторий, который больше похож на заштат-

ную гостиницу в «полторы звезды» – и те лишь за вид с балкона? Он жил, как во сне, ни с кем не знакомился, машинально что-то ел, купался, часами таращился в рябящий телевизор. Рассмеялся лишь однажды – когда крутил настройку старого приемника (видимо, брошенного прежними жильцами) и нарвался на украинскую радиостанцию, вещающую на Крым. Слушать без смеха этот вздор было невозможно. Ладно, когда вещают для несведущих. Но убеждать жителей полуострова, что они с трудом выживают, а если у них все нормально, то это иллюзия, – просто песня! Нельзя так жить – цены растут в геометрической прогрессии, работы нет. Террор со стороны российских спецслужб, весь Крым забит лязгающей и чадающей военной техникой, людей хватают по малейшему подозрению, люди пропадают сотнями, правозащитников убивают прямо на улице! Свобода слова задавлена, любая критика российского президента чревата колонией строгого режима в солнечном Магадане! А в соседней Украине – мир и благоденствие, яблоки растут. Она давно в Европе! Но вы держитесь, люди, мы скоро придем, освободим вас от гнета оккупантов, скинем банду в море! Слава Украине, она одна за вас радеет и ночами не спит! Короче, крепитесь, люди, скоро лето. Ну, полные кретины! А еще журналисты. Несут оторванную от реальности чушь, забывая, что искусство вранья – это прежде всего искусство и уж потом – вранье!

И больше о политике – ни звука. Надоела всем – пуще редьки. Отдыхающие в пансионате были из России, Казахстана, Белоруссии. Украинцы тоже были, но не афишировали, отдыхали тихо-мирно. После завтрака он затолкал в сумку пляжный коврик, пару банок пива из холодильника, потащился на пляж. Тропа петляла между скалами. Пляж отеля был небольшим, сто метров в длину. Немногочисленные лежаки давно заняли. Ночное волнение унялось, вода была тиха и прозрачна. Пищали дети в «лягушатнике» под контролем родителей. Несколько голов торчали из воды. Подросток лет тринадцати нырял в маске, пытаясь что-то высмотреть на дне. И всякий раз, когда он пропадал в воде, его упитанная мамаша хваталась за сердце. Похмельный тип из столовой, багровея от натуги, надувал круг. Видимо, решил уплыть подальше от всех и у буйков спокойно умереть. Его супруга в сером купальнике пробовала воду пальцами ноги, ежилась. Первый летний месяц выдался не очень теплым, погода менялась, и вода нагревалась медленно.

– Мужики, сегодня ведем спортивный образ жизни! – кричал своим друзьям какой-то парень. – Едем в спортбар – в Судак! Наши сегодня играют!

Какие «наши»? Во что играют? Оставалось только догадываться. Бывший офицер батальона морской пехоты, базировавшегося в Темрюке, никогда, к своему стыду, не увлекался зрелищными видами спорта. Глеб спустился к полосе прибоя и, не снимая сланцев, побрел на запад вдоль кромки воды. Хрустела галька под ногами. Шумный пляж, куда продолжали прибывать люди, остался за спиной. Он перебрался через груды камней, с уважением покосился на высокую скалу, выросшую позади нее, отправился дальше, прижимаясь к скалам, и через минуту вышел к крохотной бухте, где лечь у воды можно было лишь в одном месте – все остальное пространство загромождали камни размером с чемодан на колесиках. Пятачок был занят. На тряпке распростерлась молодая парочка – видимо, первыми позавтракали и побежали занимать место. Парень уснул, а молодая фигуристая женщина в алом купальнике толкала его локтем:

– Эй, милый, очнись! Ну вот, пожалуйста, зачем мужика заводила? Чтобы он спал мне тут?

Она с любопытством воззрилась на Глеба, и он поспешил прошмыгнуть мимо.

Свободное место нашлось на следующем пляже – здесь тоже имелась бухта, и над берегом нависал козырек массивной скалы. За скалой, словно телохранители, возвышались еще два каменных исполина. Между ними вилась тропка наверх и терялась среди белых соцветий розмарина. Тропа выводила к дороге – слева Новый Свет, справа – пансионат. Добраться до пляжа можно было и по дороге, а потом воспользоваться тропой. Глеб забрался под скалу, куда еще не

пробралось солнышко, расстелил коврик и сразу бросился в воду, нырнул, вынырнул, перевернулся на спину и несколько минут отдыхал, подставляя лицо восходящему светилу. Невольно залюбовался открывшейся панорамой берега. Пляж под скалой отъехал, превратился в светлое пятно. По нему сновали фигурки людей – уже и до этой точки добрались отдыхающие. На запад от пляжа тянулись скалы – высокие, низкие, с расщелинами, в которых топорщилась береговая растительность. Метрах в ста на запад скалы уплотнялись, забирались в море, там чернели каменные островки. На востоке было цивильнее. Бухта, за ней вытянутый пляж пансионата «Береговое», заполненный людьми. За пансионатом вздымались горы, а дальше просматривались зазубренные бастиины Раван-Коша – самой высокой горы в округе. Она напоминала исполинскую крепостную стену, гребень которой в нескольких местах разрушили снаряды. Горы теснились на западе, на востоке – Главная горная гряда, выходящая к морю. За ней еще две гряды – Внутренняя и Внешняя, разделенные между собой продольными равнинами. Эта местность практически не заселенная, слишком плотно расположены горы. Людей там почти не встретишь, экскурсионных маршрутов нет, населенных пунктов тоже негусто.

Соваться в горы в планы Глеба не входило. Альпинизмом и исследованием пещер пусть занимаются другие. Он вообще с трудом представлял, что может входить в его планы. Можно, например, утопиться...

Гадкая зараза под названием медуза ущипнула в бок! Ах ты, сволочь! Он завертелся, хлебнул воды. Еще один действенный способ борьбы с похмельем. Отплыл на пару метров, обернулся. Батюшки! К нему приближалась целая «эскадра» – небольшие желеобразные комочки с нитеобразными щупальцами. Совсем природа взбесилась – не сезон же для медуз! Он не стал дожидаться, пока его окружают, поплыл вразмашку к берегу.

Когда вышел из моря, пространство под скалами уже трудно было назвать уединенным местечком. В воде плескалась какая-то пузатая мелочь. Упитанные мама с папой покрикивали на своих близняшек. На тряпке животом вниз лежала женщина – лямки купальника она развязала и отбросила за ненадобностью. Глеб прошел мимо, а дама и ухом не повела. Справа, шлепая лапами, в воду заходил парнишка в маске с трубкой. В руке он сжимал скомканный пакет. Добытчик, сообразил Глеб. Видимо, из поселка парень. Уплывают в море, собирают рапан – хищных брюхоногих моллюсков в красивых раковинах, пожирающих своих собратьев – мидий и устриц, а потом продают отдыхающим – в жареном виде эта гадость необычайно вкусная. «Водолаз» повернулся к морю спиной, поправил маску, погрузился в воду и пропал.

Глеб вытащил коврик из-под скалы на солнышко. Надо обсохнуть – замерз в воде. Он порылся в карманах скомканных штанов, отыскал сигареты, зажигалку и с наслаждением закурил. Докурив, втиснул окурочек между камешками, вытянул ноги, забросил руки за голову...

И навалилось то, что постоянно наваливается! Вроде только задремал, и сразу мины стали рваться в голове! Противно свистели, визжали, подлетая к земле, взрывались с тягучим треском. Орали какие-то люди, перебегая между развалинами, стучали автоматы. «Глеб, Сашку ранили! – кричали в ухо. – Не вытащить его, ногу плитой защемило!» Да что за наваждение! Он перевернулся на живот, уткнулся носом в плетеный коврик. Мины продолжали свистеть, запах йода сменился запахом порохового дыма. Бороться с прошлым было невозможно. Оно гналось за ним, било, подсовывало бессонницу или депрессию. Побеждать эту напасть он пока не научился. Слишком чувствительная натура, в отличие от прочих толстокожих. Настало затишье, растаяли видения разрушенной древней Пальмиры. Началась ускоренная «кинофотосъемка». Улицы родного города в Приморье, вечно ругающиеся родители, школьные годы «чудесные». Переезд в Волгоград, квартира с видом на Мамаев курган, институт, отчисление, девочки, снова институт – теперь уже военный. И вновь девочки... Служба на базе Черноморского флота в Севастополе, Новороссийск, Темрюк, неудавшаяся женитьба – невеста спохватилась (что же она, дура, делает?), когда, вместо знакомства с родителями, он поехал на учения под Ростов, где и застрял на две недели. Разрыв переживался очень болезненно. А когда он

узнал, что бывшая невеста скоропалительно вышла замуж и укатила на Дальний Восток, тоска всерьез и надолго взяла за горло. Ломка была похлеще наркоманской. Но как-то жил, служил, приезжал в короткие отпуска к родителям в Волгоград. Умер отец, похоронили. Мама приходила на кладбище и продолжала с ним ругаться – могла это делать часами, сидя у могилки и глотая слезы. Трудно переделать людей. Не прошло и года, когда она последовала за отцом. Не выдержал истощенный организм. Глеб надеялся, что им хорошо там вместе – ругаются, конечно... но все равно хорошо. Он сдал квартиру на длительный срок, вернулся в Темрюк.

Он и был одним из загадочных «зеленых человечков» – представителем легендарного сообщества «вежливых людей», заблокировавших Крым от посягательств извне. Разоружал растерянных украинских военных (упертых приходилось силой), следил за порядком на улицах Симферополя. Получил роту морских пехотинцев, служащих по контракту, – просоленных, побывавших в переделках. В войне на востоке Украины Глеб участия не принимал, не видел в этом нужды, поскольку не считал эту землю российской, в отличие от Крыма. Стоял со своей ротой на границе, насмотрелся, как ее ежедневно пересекают беженцы, раненые, бегущие от войны украинские солдаты...

Солнце припекало. Видения вроде притихли. Он поднял голову, осторожно покосился по сторонам. На галечный берег набегала тихая волна. Далеко в море белел одинокий парус. Из-за дальнего мыса показался небольшой круизный теплоход – видимо, шел из Ялты к берегам Керченского полуострова. Отдыхающих под скалами прибыло. Сюда перебирались те, кому наскучило на основном пляже. Можно подумать, здесь веселее! Люди купались, расстилали покрывала. На дороге за скалами гудели машины. По тропе спускались пенсионеры, которых Глеб видел в столовой, – дружно помахивали полотенцами, пляжными аксессуарами. Молодые парень с девушкой, взявшись за руки, бросились в воду, поднимая тучу брызг. Видимо, топиться...

Глаза Глеба непроизвольно закрылись, и снова пошли видения. Лежащая в руинах Пальмира, окраинные кварталы, за которыми начинались песчаные барханы. Взвод морской пехоты, охраняющий работающих саперов... Этого не было в сообщениях СМИ. Только общие фразы – «действенная помощь», «работа в тесном контакте с правительственными силами»... Не было там никаких правительственных сил! Боевики «Исламского государства» налетели, как шакалы, – из-за бархана! Сначала обстреляли из минометов, потом рванули на «джихадомобилях» – пикапах с пулеметами. Бойцы залегали, отстреливались – никто не струсил, не удрался в бег. Лейтенанта Варламова придавило плитой – он не кричал, не звал на помощь, понимал, что ребятам не до него. Все схватились за оружие – охрана, саперы. Прибежали их командиры с пистолетами. И никаких «правительственных сил»! Бой продолжался минут тридцать. Глеб грамотно рассредоточил людей, лично пристрелил двух боевиков, прорвавшихся на джипе к разрушенной улице. Исламистов настреляли – десятка полтора. Умирали твари легко, даже весело – видно, что-то наобещали им в загробной жизни. Не хотелось их расстраивать, насколько это далеко от действительности... Они не прорвались в разрушенный город – морпехи стояли нестигаемо. Пометались на джипах вдоль руин и с потерями отошли. А потом прилетел модернизированный вертолет «Ми-8» и стал обстреливать ракетами позиции бойцов Туманова! Явно ошибка, кто-то дал неточные координаты, вертолетчики не знали, что боевики ушли, а в дыму ведь ни черта не видно! Это был какой-то ад. Рушились недобитые конструкции зданий, все вокруг взрывалось, падало. «Вертушка» несколько раз заходила на круг – хоть лично сбивай ее из ПЗРК! Ругались морпехи, ругались саперы, зарывались в обломки. Боевики в барханах, видимо, обхохотались. Отстрелявшись, вертолет ушел, появилась возможность связаться с базой. В СМИ про этот ляп точно информация не просочилась! Глеба тогда крепко контузило. «Развал-схождение» надо делать», – шутили потом бойцы. Он крыл кого-то матом в рацию, шатался мумией среди руин. Бог не остался в стороне – трупов среди морпехов не было, спасали выучка и качественные бронежилеты. Но раненых насчитали

до хрена, двоим досталось основательно – бронежилеты порвало в решето. Раненые шутили, но дела их были плохи. Срочно прибыли «вертушки» за ранеными, потом забрали всех остальных, повезли на базу в Шейх-Масхор. Глеб ворвался в штаб разъяренный, еще не оправившись от контузии. В голове – сплошная абракадабра, он плохо понимал, что делает. Что за херня, товарищи офицеры и прапорщики?! Это вам не игрушка в войнушку, а человеческие жизни, между прочим! Чем вы тут занимаетесь?! Почему вертолет обстрелял своих?!

Он набрасывался на хмурых субъектов в камуфляже. Кто тут всем заправляет?! Он требует объяснений! Комбат майор Луговой пытался по-мирному его оттащить, но капитану хотелось сатисфакции, посмотреть в глаза виновному. Он ведь русским языком объяснил по рации, где находятся боевики, а где позиции его ребят! А еще этот запах спиртного изо рта – ну, выпил, когда высаживали из вертолета. Кто-то подсунул фляжку – слишком бледным он был. «Капитан, вы что-то разгулялись, – ухмылялся ему в лицо незнакомый тип без погон и знаков различий. – Уймись, пока не поздно, вы контужены, вы выпили, не доводите до греха, пока мы добрые и все понимаем. Почему вы так переживаете? Бывает, обычная накладка, все ведь закончилось благополучно? Майор, уберите своего задиру, чтобы мы его тут не видели!» Возможно, все закончилось бы мирно, но эта глумливая ухмылка... Жар ударил в голову, он ничего не соображал. Двинул в челюсть, и тип в камуфляже совершил беспосадочный перелет через всю комнату, сбив по дороге стол и два стула. Глеб как-то сразу пришел в себя и ужаснулся. Умеешь же ты, парень, призывать неприятности. Забыл про основное жизненное правило: прежде чем что-то начать, подумай, как будешь заканчивать...

Его вполне могли посадить (для начала на гауптвахту). Но потерпевший – а им оказался некто полковник Самохин, который, собственно, и допустил роковую ошибку, – предпочел это дело придержать. Понимал, что и его потянут. Нажал на пару рычагов, поскольку отличался злой памятью и мстительностью. Командировка в Сирию закончилась через две недели. Его вызвал комбриг подполковник Аксаков и с глубоким сожалением предложил написать рапорт об увольнении. «Пойми меня правильно, капитан, – вздыхал Аксаков. Он был толковым командиром, хорошо относился к Глебу, но командам свыше противиться не мог. – Я полностью на твоей стороне, я бы тоже начистил рыло этому халтурщику. Но не могу ничего поделать. Пока, во всяком случае, не могу. Процесс контролирует генерал Артемьев, он тесть твоего Самохина. Дело обставили так, что нам лучше не рыпаться. Они все равно найдут «стрелочника» – какого-нибудь сержанта, передавшего штурману неточные цифры. Прости, капитан, я бессилен...»

Он чувствовал себя, наверное, так, как чувствует жена, которую внезапно бросил муж. Одно дело – уволиться самому, и совсем другое – когда тебя вынудили... Он копался в себе, может, сам виноват? Конечно, виноват, начистил рыло старшему по званию (неважно, что заслуженно), будучи выпившим, действовал в состоянии аффекта, что ничуть не оправдывает. Но ведь служил верой-правдой! Берег солдат, имеет заслуги, награды! Шестеро в той бойне пострадали из-за обстрела. Трое поправились, продолжили службу. У сержанта Бунчука осколок засел в печени, еле удалили, теперь на инвалидности. Сержанту Гончарову глаз выбило. Рядовому Лепнову ногу пришлось ампутировать... Он наводил потом справки: полковник Самохин продолжал служить, но из Сирии его перевели в Амурскую область, где он теперь обеспечивает испытания новейших истребителей шестого поколения. Бедные истребители...

Глеб выбыл из армии подчистую. Поехал в Волгоград, а в родительской квартире – квартиросъемщики. Дите родили, совестно стало выгонять на улицу. Помыкался несколько дней, пока тошнить не стало. Переломил себя – предложил арендодателям за два месяца освободить жилплощадь. Он же не бомж, в конце концов. Недельку провел у приятеля в Ростове – деньги были, при увольнении выдали кругленькую сумму в рублях. Погрузился в глухой загул – не помогало. Отправился путешествовать – Анапа, Сочи, Керчь. Везде были знакомые, бывшие сослуживцы, принимали с радостью. Но так осточертело пьянствовать, тосковать. Однажды позвонил комбриг Аксаков, поинтересовался, как дела. Снова извинялся, просил понять, уве-

рял, что это временные трудности, Родина не может выбросить на помойку такого ценного кадра...

От этой беседы еще больше разозлился. Не надо его жалеть, он сам справится со своими проблемами! Понятно, что тема армии закрыта. Прикинул возможности, в том числе финансовые. Нормально, не пропадет, он человек неприхотливый. Отдохнуть июнь – по-тихому, уединенно, без выпивок и шумных компаний, привести в порядок голову, определиться с дальнейшей жизнью. Забрался в Интернет, нашел там слово «Крым»...

Он приехал сюда три дня назад. Действительно уединенное местечко, вдали от шума и гама. Ничто не отвлекает. Самое то, чтобы подкрутить винтики в голове. Много не пил, с людьми не знакомился. Только со сторожем пансионата перекинулся парой фраз. Пообещал мужик свозить на ночную рыбалку. Да что-то не спешит...

Наконец Глеб вышел из полудремы, лениво поднял голову. Отдыхающих на маленьком пляже собралось десятка полтора. К пляжу по тропе спускалась девушка по имени Анюта. В развевающемся сарафане, с распущенными волосами – она была прекрасна! В горле пересохло на короткий миг. Что это с ним? На дороге показалась машина и, взвизгнув тормозами, остановилась. Грузный субъект в цветастой рубашке по имени Эдуард окликнул девушку и что-то сказал – похоже, звал ее с собой, прогуляться на машине. Анюта виновато улыбалась, мотала головой. Этот тип, по-видимому, ее изрядно утомил. Эдуард настаивал, жестикулировал. Но Анюта махнула рукой и побежала вниз. «Кавалер» с сожалением посмотрел на часы, изобразил досаду и исчез – вернулся в машину. Девушка сняла шлепки и побежала по пляжу: чувствительные пятки запрыгали по камням. Она ахнула, пробормотала: «Господи, да что же это такое... то одно, то другое...» – и осторожно, на цыпочках, двинулась дальше. Потом опять неловко наступила, совсем расстроилась, бросила под ноги сумку, решив, видимо, остаться здесь.

– Камни жалят, – объяснила она с улыбкой Глебу, который почему-то со своим ковриком оказался ближе всех.

– Понимаю, – кивнул он и тоже улыбнулся. – Чтобы не жалили, придумали сланцы, которые вы держите в руках. Попробуйте как-нибудь – помогает.

– Правда? – манерно удивилась Анюта, глядя на свою обувь, которую держала за ремешки. – Поздно. Не возражаете, если я здесь расположусь?

– Буду рад, – лаконично отозвался Глеб.

Он лежал на спине, делал вид, что наслаждается ультрафиолетом, а сам, скосив глаза, наблюдал за девушкой. Она расстелила такой же коврик (даже расцветка почти совпала), изящно сняла через голову сарафан, оставшись в купальнике апельсинового цвета, и через несколько мгновений уже лежала, прикрыв глаза солнцезащитными очками. Для порядка Глеб приподнял голову, обозрел обстановку. Люди отдыхали. Неподалеку от каменного островка плескался толстяк. Приглушенно бубнили пенсионеры. Болото какое-то...

Молчание затягивалось. Девушка сняла очки, положила рядом. Разумный ход – забавно смотрятся люди с загорелым лицом и белыми кругами вокруг глаз. Купаться она не спешила, решила для начала позагорать. Кожа у нее была бледной, поблескивала на солнце – видно, в номере натерлась кремом.

– Уважаю ваш выбор, – рискнул начать беседу Глеб. – Я имею в виду достойнейшего из мужчин в канареечной рубашке.

Девушка хмыкнула, но ничего не сказала, лишь тяжело вздохнула.

– Сильно докучает Эдуард? – посочувствовал Глеб.

– Сильно, – призналась она. – Вроде неплохой человек, но такой пристающий... Он вроде военный, в отпуске... Две минуты назад предложил прокатиться с его друзьями в Судак. Как будто я Судака никогда не видела...

– А вы видели?

– Нет, конечно... Я впервые в Крыму. Когда-то в Сочи пару раз ездила... Господи, боюсь возвращаться в пансионат, опять ведь привяжется... А как ему объяснить, что я не хочу его ни видеть, ни слышать? Кучу лет его не знала и знать не хочу... Ну, не мой это тип.

– Если желаете, могу гарантировать, что начиная с завтрашнего дня он никогда к вам не подойдет, – осмелел Глеб.

Девушка приподнялась и с интересом посмотрела на него.

– Вы не можете ничего гарантировать... – пробормотала она. – Наш мир устроен так, что гарантировать в нем можно лишь одно: что мы все умрем. Ничего другого гарантировать невозможно. Всегда есть малая вероятность, что этого не произойдет...

– Ну почему же? – возразил Глеб. – Наступит вечер. За ним следующий день. Это в принципе можно гарантировать...

– Только в принципе, не спору. – Анюта приподнялась на локте, повернулась к нему. – Долбанет метеорит, засосет планету в черную дыру – не будет ни вечера, ни завтра...

Глеб молчал. В ее словах звучала доля правды, мир точно устроен как-то странно.

– Я могу гарантировать, что я не женат... – с сомнением начал он, но девушка тут же перебила его:

– Это ВЫ можете гарантировать, но не я. Всегда есть вероятность, что паспорт без штампа о регистрации брака у вас не единственный.

– Да, вы правы, – не выдержав, рассмеялся он. – Кстати, меня Глебом зовут.

– А меня Анютой. Впрочем, вы уже знаете. Судя по ироническому настрою и повышенному содержанию цинизма в крови, вы медик?

– Что вы, совсем наоборот...

– Это что значит? – насторожилась Анюта.

«Кто-то лечит, кто-то калечит», – мелькнула мысль, и он задумался, что бы такого ответить, чтобы не оттолкнуть девушку. И вдруг истошный женский крик подбросил его с коврика! Зачем так орать-то? Вдоль линии прибоя бежала упитанная тетка и с возгласами: «Він тоне, тоне, допоможіть!!!» – тыкала пальцем куда-то в море. Отдыхающие заволновались, стали подниматься, вертеть головами. Глеб вскочил. Тысяча проклятий! Хорошо, хоть заметила своего благоверного! У пузатого отца семейства были явные проблемы. Возможно, он неплохо держался на воде, поскольку уплыл черт знает куда – почти до каменного острова, но то ли ногу свело, то ли медуза цапнула... Он захлебывался, заполошно махал руками, выпучивал глаза, задыхался. Ну, мать твою растак! Плакали дети, которые ничего не поняли, но испугались. Глеб не раздумывал. Под дикий женский крик «Допоможіть йому, прошу, зробіть щонебудь!!!» он пролетел узкую полоску пляжа, прыгнул в воду и поплыл наискосок в море. За спиной кричали люди, кто-то подбадривал его. Он энергично работал конечностями, греб с напором, яростно. «Вот и первое приключение», – мелькнуло в голове. Плавал он отлично, мог держаться на воде часами – видимо, в прошлой жизни был рыбой. Но как же медленно приближался утопающий, черт возьми! Он сам уже задыхался от напряжения, немели конечности. Мелькнула голова, скрылась под водой, снова вынырнула. Руки у бедняги уже не шевелились, в глазах застыл предсмертный ужас. Голова опять скрылась и больше не выныривала. Но Глеб был уже рядом. Нырнул, поплыл под водой, с открытыми глазами. Грузное тело в трусах по колено плавно погружалось в пучину. Он едва не протаранил его, одной рукой схватил под мышку, а другой начал яростно загребать, вытаскивать на поверхность. Вынырнул, отдышался. Хорошо-то как на солнышке... Рядом покачивалась голова утопающего. Он был без сознания, глаза закрыты. Дальнейшие минуты были очень непростые. Глеб взвалил его на спину и поплыл, отдуваясь, вытягивая шею, чтобы иметь хоть какой-то доступ к кислороду. Берег приближался, но очень медленно. Там супруга «утопленника» заламывала руки, хваталась за голову. Толпились остальные – кричали, подбадривали. Двое молодых людей бросились в воду. Он даже видел Анюту – она забежала в море и застыла на месте...

Помощь подоспела, когда ноги уже коснулись дна. Парни перехватили, помогли выбраться. Толстяка тащили всем скопом – ноша была не для слаботильных. Охала жена, прыгая вокруг него, что-то лопотала. Глеб кашлял, хрипел, но нашел в себе силы положить этого кадра горизонтально, сделать ему массаж сердца, искусственное дыхание... Утопающий выпустил струю воды, словно кит, сел, тупо поводя глазами. С ревом пикирующего бомбардировщика ему на шею обрушилась жена, прыгали вокруг и лопотали близняшки. Радостно гудели люди, обступившие спасенного. Женщина, шмыгая носом, оторвалась от своего мужа и что-то говорила Глебу, глотая слова.

– Вы уж следите, мадам, за своим сокровищем, – бормотал он, выбираясь из толпы. Находиться в центре внимания как-то не хотелось. Беглым взглядом заметил Анюту, стоявшую поодаль с растерянным видом. Кто-то хлопнул его по плечу – молодец, парень! Подъехала санитарная машина из Нового Света (вызвали с перепугу), и по тропе уже спускались люди в белых халатах. Глеб подхватил свои вещи, коврик, юркнул за их спины, начал пятиться к тропе. Поднялся к дороге и припустил по обочине в пансионат...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.